

ПРЕДИСЛОВИЕ

Собрание автографов Пушкина, хранящихся в Институте литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР, по своему значению занимает второе место среди других собраний пушкинских автографов. Оно уступает по количеству листов лишь собранию Публичной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (б. Румянцовского музея), куда в 1880 г. сын поэта А. А. Пушкин передал основной личный архив Пушкина, состоящий преимущественно из черновых рукописей. Однако по количеству отдельных единиц хранения собрание Пушкинского Дома превосходит даже это собрание.

Начало собранию Пушкинского Дома положено было приобретением в 1908 г. коллекции автографов, принадлежавшей П. А. Ефремову. Начиная с этого времени, собрание непрерывно обогащалось, в особенности в послереволюционное время. Собрание составлялось как из отдельных случайных приобретений, так и путем включения в него больших коллекций, принадлежавших разным лицам и учреждениям. Среди последних необходимо отметить следующие: собрание А. Ф. Онегина, приобретенное в Париже еще в 1909 г., но фактически привезенное в Ленинград лишь в начале 1928 г.; собрание Константина Романова (К. Р.), поступившее после его смерти в 1915 г. и первое время хранившееся в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук (до 1923 г.); собрание Пушкинского Музея Александровского лицея, перевезенное в Пушкинский Дом в 1917 г. после закрытия лицея; собрание И. А. Шляпкина (ум. 1918 г.); собрание Я. К. Грота, поступившее в 1918 г., и собрание Рукописного отделения Библиотеки Академии Наук, переданное в 1931 г. Последнее в свою очередь состояло из нескольких крупных коллекций: из архива братьев А. И. и Н. И. Тургеневых, Л. Н. Майкова, И. И. Куриса, В. И. Яковлева, Е. А. Масальской-Суриной, П. И. Бартенева и др. Главной особенностью собрания Пушкинского Дома, вследствие его

многолетнего собрания из разнороднейших источников, является исключительное разнообразие автографов Пушкина. В основном собрание Пушкинского Дома состоит из отдельных листков различного происхождения и содержания.

Автографы, восходящие к архиву Пушкина, т. е. находившиеся в момент смерти поэта у него на квартире, составляют значительную часть собрания (преимущественно из коллекций Шляпкина, Онегина и Майкова). Это вызвано тем, что в семье Пушкина оставались к 1880 г. почти исключительно его переплетенные тетради, в то время как отдельные листки в процессе подготовки изданий сочинений Пушкина 1838—1841 гг. (Посмертное) и 1855—1857 гг. (Анненкова) были взяты редакторами и составили самостоятельные коллекции, в дальнейшем поступившие в Пушкинский Дом.

Однако в собрании последнего не в меньшей степени представлены автографы, принадлежавшие другим лицам еще при жизни Пушкина. Большую часть таких автографов составляют беловые письма поэта к разным лицам. По количеству писем Пушкина собрание Пушкинского Дома занимает первое место. Это объясняется тем, что, в связи с изданием в 1906—1912 гг. в Академии Наук „Переписки Пушкина“, были произведены специальные разыскания писем поэта и установлены их владельцы, что в дальнейшем значительно облегчило приобретение этих писем.

Таким образом, за исключением черновых тетрадей, в собрании Пушкинского Дома представлены все виды автографов Пушкина: черновики его стихотворных и прозаических произведений, беловые тексты, копии его текстов с его же поправками, официальные и деловые документы, черновые и беловые письма, рисунки на отдельных листках, записи в альбомы, книги с пометками поэта из его личной библиотеки, книги с посвятельными надписями, экземпляры отдельных изданий сочинений поэта с его поправками для последующих изданий, заметки на чужих рукописях (например на письмах, им полученных от разных лиц), копии черновых произведений и т. п. Хронологически собрание охватывает все периоды творческой жизни Пушкина, начиная с автографов ранних лицейских произведений 1814 г. (например „Жертва Мому или лицейская антология“) и кончая письмом к А. О. Ишимовой, написанным в день дуэли 27 января 1837 г. и являющимся последним известным автографом Пушкина.

До настоящего времени полного описания рукописей Пушкина, хранящихся в Пушкинском Доме, не было. Описание, помещенное в „Известиях Академии Наук“, VI серия, 1911 г., № 7, фиксирует

состояние собрания к 1910 г.; помещенное во „Временнике Пушкинского Дома на 1914 год“ — к 1913 г.; оно содержало только 28 номеров, в то время как к настоящему времени собрание включает в себя 823 номера. Описания отдельных коллекций (Шляпкинской, Майковской, Онегинской, К. Р. и др.), влившихся в собрание Пушкинского Дома, охватывают также лишь небольшую часть всего собрания. В 1924 году Пушкинский Дом в своем „Путеводителе“ дал общий обзор собрания, фиксирующий в общих чертах наличие автографов к концу 1923 г., но этот обзор не является описанием рукописей и не содержит даже всего их перечня. Отсутствие полной печатной описи затрудняло обращение к собраниям Пушкинского Дома, следствием чего было то, что в ряде новых изданий некоторые документы из этих собраний оставались неиспользованными, в виду трудности их обнаружения или недостаточности указаний в существующих описаниях.

Необходимость полного описания, не говоря уже об его архивной „охранной“ роли, настолько определилась в настоящее время, что не требует особой мотивировки.

Если не считать отдельных описаний собраний, то предлагаемое описание является третьим систематическим описанием автографов Пушкина. Первым из подобных описаний было давно уже устаревшее как по охвату материала, так и по самым приемам описания, но до сих пор незамененное, описание собрания Публичной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (б. Румянцовского музея), появившееся в „Русской Старине“ 1884 г.

Работа эта, выполненная В. Е. Якушкиным („Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцовском музее в Москве“), содержит полистное описание тетрадей, известных под номерами 2364—2395 и представляющих фонд рукописей поэта, переданных в Румянцовский музей наследниками Пушкина в 1880 г.

Вторым описанием является описание автографов, хранящихся в Публичной Библиотеке: „Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде, составил Л. Б. Модзалевский, Труды Пушкинского Дома Академии Наук СССР и Пушкинского Комитета Государственного института истории искусств“, Academia, Ленинград 1929.

Предлагаемое издание является в некоторых отношениях продолжением описания рукописей Публичной Библиотеки, как бы вторым выпуском в задуманной в 1929 г. серии описаний. Принципы этого описания изложены в подробных предисловиях к нему. Описание

собрания Академии Наук СССР в общем построено на тех же принципах, и это позволяет нам не входить вторично в их подробное обоснование. Укажем лишь на основные отличия. Некоторые из них объясняются специфическими особенностями собраний Пушкинского Дома. Так, например, большее разнообразие содержания автографов не позволило свести описание к семи рубрикам. Обилие имеющих специфический характер исторических материалов (к „Истории Пугачева“ и к „Истории Петра“), заставило выделить их в особый отдел из отдела *Varia*, который в результате более детальной группировки материала оказался замененным рядом отделов.

Но некоторые особенности настоящего описания вызываются выяснившейся за последние годы необходимостью уточнения научных приемов описания. Существенной особенностью настоящего описания является введение обмера и более точной спецификации бумаги. Точно так же уточнена историческая и библиографическая часть описания, что вызывается интересами исследователей, обращающихся к данным материалам.

Автографы Пушкина в настоящем описании сгруппированы в отделы по роду написанного: стихи, проза художественная, планы художественных произведений, статьи, сборники смешанного содержания, автобиографическая проза, исторические материалы, письма, выписки и заметки, посвятельные надписи, официальные документы, деловые записки и документы биографического характера, мелкие записки и рисунки. Автографы, содержащие разнородные записи, отнесены к отделу, занимающему в этом порядке первое место. Для облегчения обозрения в других отделах даны в соответствующих местах ссылки на описание.

Внутри отделов соблюден хронологический порядок, от которого сделаны отступления лишь в порядке объединения частей одного произведения.

Основанием для датировки автографа принималась дата заполнения автографа (а не дата произведения), причем в случае, если на одном автографе находились разновременные записи, то бралась ранняя дата, т. е. дата первого обращения Пушкина к данному документу.

Однако во многих случаях точная датировка автографа не представлялась возможной, и в таком случае за основание принималась датировка содержащегося в автографе произведения. Для настоящего описания не было проделано специальной работы по определению дат произведений и принималась установившаяся в настоящее

время хронология произведений (принятая в последних изданиях); отступления от нее делались в случае обнаружения явных ошибок. Если дата заполнения автографа (для поздних списков) расходится с датой создания произведения, то в соответствующем месте, делается на это необходимое указание.

В основу описания положено единство документа. Каждый документ описывается полностью в одном месте. В некоторых случаях являлось неясным, составляют ли отдельные листки один документ или являются самостоятельными. В таких случаях описания разделялись на самостоятельные описания каждого отдельного листка или группы листов, но располагались в непосредственном соседстве с указанием на возможность установить единую связь между ними.

Содержание описания каждой единицы складывается из полистного описания текста, описания характера письма, особенностей бумаги, разных особенностей документа, как, например, печати, жандармских помет и т. п., краткой характеристики позднейших наслоений (помет владельцев, исследователей и пр.), краткого перечня владельцев до поступления в Пушкинский Дом и краткой библиографии публикаций, описаний, факсимильных воспроизведений и пр.

Описаниям автографов предшествуют их условные названия, состоящие в большинстве случаев из общепринятых заголовков заключающихся в автографе произведений, независимо от того, названы ли так эти произведения в данном автографе или нет. Если же данное произведение имеет свой заголовок в данном автографе, то этот заголовок воспроизводится при описании текста.

Описание текста сводится к приведению начальных слов каждой страницы документа (при связном тексте документа) и конечных слов фрагментов (если текст не является непрерывным). В случае очень кратких текстов, они даны полностью. Однако описание не преследует целей публикации. Все цитаты из пушкинских записей даны в орфографии подлинника.

История перехода автографа из рук в руки, поскольку ее можно установить по дошедшим до нас данным, часто весьма недостаточным, выражена в форме перечня имен владельцев с указанием, в случае возможности, даты перехода автографа из рук в руки. По отношению к крупным собраниям эта история изложена ниже, а в описании дана лишь справка о принадлежности автографа к данному собранию.

В части „палеографии“ описания указано, чем писано (карандаш, чернила) и определен характер почерка. Относящиеся

к этому пункту характеристики почерка (черновой, белой, небрежный и т. п.) имеют целью охарактеризовать только внешний характер почерка Пушкина, не определяя прямым образом положения рукописи в истории текста. Эту особенность необходимо учитывать, не смешивая понятие черного или белого почерка с чистой или белой рукописью произведения: последние характеристики по установившемуся обычаю имеют в виду более функциональную роль автографа и его положение в истории произведения, вопросы, которые не может разрешать внешнее описание рукописи. Настоящее описание ни в какой мере не предвосхищает результатов текстологического обследования материала, являясь лишь подсобным в деле публикации автографов, в академическом издании или факсимильном издании автографов Пушкина.

Наиболее характерные автографы приводятся в факсимильном воспроизведении и наглядно поясняют, какой смысл вкладывается в характеристики почерка Пушкина. Конечно, при его изменчивости, в последние всегда вносится некоторый элемент субъективизма; неизбежность этого не отменяет полезности подобных указаний, являющихся предварительными и дающими некоторую ориентировку для исследователя-текстолога, обращающегося к подлиннику.

В этой части описания, которая касается так называемой „дипломатики“ документа, необходимо обратить внимание на употребляемую при описании терминологию, во избежание возможных недоразумений. Состав документа определяется количеством архивных листов (двустраничных), получающих в описании свою нумерацию, с которой связано полистное описание документа. Так, документ в четыре страницы определяется как документ в два листа (число, проставленное в скобках), и его страницы получают наименование: л. 1₁ (лицевая сторона первого листа), л. 1₂ (оборот первого листа), л. 2, и 2.. За этим указывается, какую часть бумажного (поступающего в продажу) листа составляет данный документ. В этом определении за полный лист считается лист в четыре страницы (полный фабричный лист), соответствующий двум архивным листам. Этот полный фабричный лист предполагается уже сложенным вдвое, т. е. образующим четыре страницы, и обмер его делается не в развернутом, а в сложенном виде. Таким образом формат листа определяется так же, как формат полулиста: при разрыве по сгибу листов размер не меняется. Если же полулист разрывается надвое, образуется четверка листа, при дальнейшем делении восьмушка. При этом четверкой листа называется часть полулиста, разорванного поперек

так, что линия разрыва пересекает его слева направо, через узкое его измерение. В случае разрыва вдоль образуется не четверка, а полоса. По отношению ко всяким другим разрывам употреблен термин „клочок бумаги“.

Детали описания бумаги автографов выделены в особую таблицу в конце книги, а потому характеристика бумаги при каждом отдельном автографе дана самая краткая. Сохранено указание на размер самого автографа, причем значение цифр в данном случае таково: первая цифра указывает на размер листа вдоль строки текста Пушкина, а вторая поперек: таким образом эти цифры указывают не только на размер листка, но и на расположение текста Пушкина относительно листка. Размеры даны в миллиметрах, причем для листков, неровно оборванных, дается средняя цифра. В действительности в большинстве случаев расхождения в ширине или длине листка, промеренных в разных местах листка, могут, вследствие неровности листка, достигать одного или двух миллиметров, что необходимо иметь в виду для оценки точности данных цифр. Для листков не прямоугольной формы приблизительность показанных размеров еще более грубая. Тем не менее измерение в сантиметрах следует считать недостаточным. Данный обмер вместе с указанием на число листков является „охранным“ указанием, гарантирующим отождествление данного документа и свидетельствующим о его сохранности. Дело в том, что не всегда ясно, следует ли данный сложенный вдвое листок рассматривать как состоящий действительно из двух листов, или следует его расправить и считать за один лист. Тот или иной способ хранения такого документа может создать ложное впечатление исчезновения части документа (в описании может быть указано два листа, а в действительности может оказаться один лист, если при хранении документ был расправлен); обращение к размерам, указанным в описании, исключает возможность недопонимания; хранящийся как один лист документ, зарегистрированный как два, при обмере даст одно из измерений вдвое больше показанного в описании.

Кроме того, в описании дан водяной знак бумаги в пределах сохранившегося на данном автографе. Данные, в случае необходимости дополнения к сохранившейся части водяных знаков, заключались в угловые скобки: < >.

Прочие элементы характеристики, включавшиеся в самое описание автографов, все имеют в виду индивидуальные особенности именно данного описываемого предмета: степень его ветхости,

оборванные углы, дезинфекционные проколы (результат прохождения писем через карантинные заграждения во время холерной эпидемии 1830—1831 гг.), следы позднейшей подшивки в дела или в частные собрания автографов, складки и т. п. Все прочие особенности бумаги, общие данному сорту, вынесены в отдельное описание (см. стр. 295—337), расположенное в порядке номеров сортов, и в описании автографов всё ограничивается ссылкой на соответствующий номер сорта бумаги.

Исключение сделано для клочков, для которых определение сорта бумаги представляло затруднение и которые перечислены в конце описания бумаги как неопределенные клочки (см. стр. 338). Для них данные о качестве бумаги внесены в самое описание автографа.

В описание бумаги включены лишь те сорта бумаги, которые были в личном пользовании Пушкина. Автографы на бумаге, принадлежавшей другим лицам (например, пометы на чужих письмах и т. п.), не подвергались описанию со стороны качества бумаги. Исключение сделано лишь для немногих документов, по поводу которых неясно было происхождение бумаги, а также для тех случаев, когда возможно было допустить употребление Пушкиным бумаги из того же источника (например, бумага, употреблявшаяся в Тригорском во время пребывания Пушкина в Михайловском). Включение этих автографов в общее описание бумаги каждый раз особо оговорено в графе примечаний.

Все сорта бумаги разделены на три основных группы: бумага верже, бумага машинная (без вержировки) с водяными знаками, бумага без водяных знаков. Подразделения сделаны по цвету на бумагу белую и бумагу синюю (в том числе и голубую), а внутри этих подразделений бумага сгруппирована по характеру ее обреза: с обыкновенным обрезом, с золотым обрезом и без обреза. Для бумаги без водяных знаков отделена бумага, имеющая оттиснутый штампель фабрики (двух фабрик: Гончарова и казенной Петергофской) и не имеющая штампеля. В результате бумага сгруппирована в следующие группы:

- I. Верже белая с обыкновенным обрезом.
- II. Верже белая с золотым обрезом.
- III. Верже белая без обреза.
- IV. Верже синяя с обыкновенным обрезом.
- V. Верже синяя с золотым обрезом.
- VI. Верже синяя без обреза.

- VII. Белая бумага с водяным знаком с обыкновенным обрезом.
- VIII. Белая бумага с водяным знаком с золотым обрезом.
- IX. Белая бумага с водяным знаком без обреза.
- X. Синяя бумага с водяным знаком с золотым обрезом.
- XI. Белая бумага без водяных знаков со штемпелем с обыкновенным обрезом.
- XII. Белая бумага без водяных знаков без штемпеля с обыкновенным обрезом.
- XIII. Белая бумага без водяных знаков без штемпеля с золотым обрезом.
- XIV. Белая бумага без водяных знаков без штемпеля без обреза.
- XV. Голубая бумага без водяных знаков со штемпелем с обыкновенным обрезом.
- XVI. Голубая бумага без водяных знаков без штемпеля с золотым обрезом.
- XVII. Бумага специальная (вексельная и гербовая).

Внутри этих групп бумага дана по первому размеру, в порядке от малых размеров к большим; для удобства сопоставления с существующими описаниями сорта разделены заголовками, указывающими принадлежность бумаги к трем основным типам форматов: малый почтовый, большой почтовый и писчий лист. Непринадлежащие сюда форматы, тетрадный и альбомный, оговорены особо.

Первым размером дана длина листа сверху вниз (т. е. при нормальном письме поперек строк), вторым размером — ширина листа. При этом имелась в виду величина цельного листа, как он поступал в продажу. Данные здесь цифры как своим порядком, так и величиной могут расходиться с указанными при автографах. Так как Пушкин большей частью писал на согнутой пополам или вчетверо бумаге, то цифры, данные в описании бумаги, являются кратными по отношению к данным в описании автографа, но и при соответственном умножении не всегда получается совпадение по разным причинам: 1) вследствие приближенности самых изменений, 2) вследствие неровности загиба листов или их обрыва.

Так как разные листы одного и того же сорта не вполне точно совпадают по размерам, для каждого сорта даны крайние цифры. Они показывают, в каких пределах колеблются размеры листов одного сорта. Эти пределы для разных сортов и разных фабрик различны. Очень точно обрезалась высокосортная почтовая бумага (например № 250); наоборот, естественны большие колебания в размерах необрезных бумаг. Для обычной обрезной бумаги обыкновенны колебания в пределах трех миллиметров, но в отдельных случаях наблюдаются и большие колебания.

Для вержированной бумаги второй характеристикой является ~~обер~~ расстояние между линиями верже. Хотя даны цифры с точностью до десятых миллиметра (в расстояниях между широкими про-

дольными линиями вержировки), но надо оговорить, что лишь для немногих высококачественных сортов этот размер является жестким. В большинстве случаев расстояние между отдельными линиями сильно колеблется, лишь в среднем соответствуя указанному. Но и здесь при измерениях, произведенных на разных листах, расхождение обычно выражается в пределах 0.5 мм (иногда достигая целого миллиметра). Точно так же расстояние между частыми горизонтальными линиями вержировки, охарактеризованное числом линий на один сантиметр, не является вполне точным и постоянным: и здесь колебания на одну или две линии обычны.

Далее указано расположение линий вержировки, которое для полного писчего листа бывает обычно вертикальным (когда широко-расставленные линии идут вдоль листа, а частые — поперек), а для большого почтового формата — горизонтальным. С расположением вержировки связано и расположение водяных знаков: изображение гербов и букв обычно связано так, чтобы рассматривать их при вертикальном расположении вержировки.

Следующая графа дает сведения об оттенках или плотности бумаги; сведения эти ограничиваются самой общей характеристикой.

При описании водяного знака сперва описывался левый полужилет, затем правый. В сортах бумаги, в которых водяной знак располагался боком (например, при горизонтальной вержировке), листы располагались так, что надписи читались сверху вниз, а изображения соответственно рассматривались слева.

Следует обратить внимание на то, что в большинстве случаев только буквы дают твердое основание для отождествления сортов бумаги. Что же касается гербовых изображений, то лишь некоторые гербы или орнаменты употреблялись определенными бумажными фабриками (герб Гончаровых, гербовое изображение с буквами АО фабрики А. Ольхина и некоторые другие); вообще же существовало несколько излюбленных гербовых изображений, одинаково встречающихся как на русских, так и на иностранных бумагах разных фабрик (например, гербовое изображение с девизом *Pro Patria*).

Однако в некоторой мере и гербовое изображение может служить для определения сорта.

В случае, если в собрании автографов Пушкина Академии Наук СССР не находилось достаточного материала для восстановления картины полного листа, это каждый раз оговаривалось. Дальнейшее изучение бумаги Пушкина и других собраний XIX века пополнит и уточнит предлагаемое описание.

Наименее точной следует признать характеристику бумаги без верже и без водяных знаков. В этом отношении собрание Академии Наук недостаточно для окончательной классификации. Возможно, что объединенные по формату автографы написаны на разных сортах бумаги; меньше вероятия, что бумага, зарегистрированная под разными номерами сортов, в действительности принадлежит одному сорту, хотя отдельные случаи подобного рода возможны. В дальнейшей разработке вопроса следовало бы уточнить приемы характеристики плотности бумаги, оттенков цвета (степени пожелтения, более или менее однообразной в пределах одного сорта, и пр.), мелкой сетки, приобретаемой бумагой в процессе машинного производства, степени чистоты бумажной массы („узлы“, посторонние примеси, пятна и т. п.). Эти вопросы, возникающие уже при изучении бумаги начала XIX века, приобретают особое значение для последующего времени, по мере распространения машинных способов изготовления бумаги и появления суррогатов тряпичной массы.

При оценке описания бумаги необходимо иметь в виду, что во многих случаях описание давалось в результате реконструкции картины полного листа на основании неполных клочков бумаги, и здесь могли быть ошибки при определении размера.

Описание каждого сорта сопровождается указанием, какие именно автографы сюда относятся и в какие годы Пушкин эту бумагу употреблял. В последних указаниях было принято во внимание, что датировка произведений (а в еще большей степени датировка самих автографов, из которых многие являются позднейшими авторскими копиями ранних произведений) не всегда покоится на твердых данных и часто устанавливается из побочных соображений. Как уже сказано, для настоящего описания не было проделано специальной работы по пересмотру всех датировок и принимались датировки, получившие обращение и не отвергнутые к настоящему времени. Поэтому те даты, которые казались не достаточно твердо установленными (как по отношению к произведениям, так и по отношению к автографу), оговаривались в примечании, если они выходили за пределы того срока, который определялся точными датами. Эту оговорку не следует рассматривать как попытку оспорить дату, а лишь как указание на необходимость дальнейшего изучения вопроса. Несомненно, что полное описание бумаги Пушкина явится и источником новых более точных датировок. Для более удобного обзора описания бумаги оно сопровождается двумя сводными указателями: по водяным знакам и по фабрикам (см. стр. 339—344).

Характерно, что для определенных периодов жизни Пушкина типична та или иная бумага, при общей пестроте и разнообразии сортов. Так, Гончаровская бумага привычна для Пушкина, начиная с 1830 г. (за исключением впрочем осени, проведенной в Болдине); для первого петербургского периода 1817—1820 гг. характерна бумага Попова и Ольхина; для времени пребывания его на юге и в Михайловском употребительны разные сорта иностранной бумаги.

Особенности собрания Пушкинского Дома, состоящего из отдельных листов различного происхождения, обусловили то, что именно академическое собрание пушкинских автографов дает наиболее полную картину бумаги, которой пользовался Пушкин. Естественно, что именно при описании собрания Академии Наук и положено основание изучению сортов бумаги, на которой писал Пушкин.

Данное описание имеет не только узкий интерес в пределах пушкиноведения. Оно является едва ли не первым опытом систематического описания русской бумаги начала XIX века. В этом отношении оно может оказать некоторую помощь русской дипломатике XIX века.

Что касается жандармских помет, сделанных на рукописях красными чернилами, то следует сказать, что они особо отмечены в описании каждой отдельной рукописи в начале раздела описания позднейших на них наслоений. Как известно, эти пометы имеют важное значение для восстановления истории рукописей Пушкина: наличие подобной пометы показывает принадлежность данной рукописи к личному архиву поэта, находившемуся у него на квартире во время разборки его бумаг В. А. Жуковским и Л. В. Дубельтом в феврале 1837 г. Отсутствие жандармских помет обычно указывает на иной источник происхождения рукописи, что подтверждается перечнем владельцев рукописи, приведенным затем в описании. Исключение из этого правила относится лишь к тем автографам, которые были изъяты В. А. Жуковским при разборке архива поэта до того, как под наблюдением Л. В. Дубельта их начали нумеровать жандармы (судя по разным почеркам их было несколько человек). Подробнее об истории нумерации автографов см. на стр. 349—350.

Как уже указывалось выше, рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме, в основном восходят к нескольким крупным коллекциям, образовавшимся в результате распыления их по частным владельцам после окончания подготовки издания сочинений Пушкина (Посмертного и Анненковского). История более мелких коллекций повторена каждый раз при описании автографов, восхо-

дящих к той или иной мелкой коллекции. Происхождение крупных коллекций в настоящее время почти полностью выяснено.¹

История их следующая:

1) *Собрание Л. Н. Майкова*. Рукописи этого собрания восходят к семье поэта. Когда П. В. Анненков в начале 1850-х годов принял свое издание сочинений Пушкина, он и его брат И. В. Анненков получили от Н. Н. Пушкиной два сундука бумаг поэта. П. В. Анненков впоследствии вспоминал: „Она (Н. Н. Пушкина) обратилась ко мне за советом и прислала на дом к нам два сундука его бумаг. При первом взгляде на бумаги я увидел, какие сокровища еще в них таятся“.² Впоследствии Анненков возвратил Н. Н. Пушкиной тетради черновых рукописей поэта, а отдельные листки, в основном составившие коллекцию Л. Н. Майкова, оставил у себя. После его смерти 8 марта 1887 г. ими владела его вдова Глафира Александровна Анненкова (род. 1831, ум. 1899). Акад. Л. Н. Майков, начавший между 1887—1899 годами свои работы по изучению Пушкина, узнав о том, что Г. А. Анненкова владеет драгоценными рукописями, получил их от нее в свою собственность.³ Дальнейшая судьба этого собрания после смерти Л. Н. Майкова в 1900 году изложена В. И. Срезневским в предисловии к составленному им научному описанию этой коллекции.⁴ На многих рукописях своего собрания Л. Н. Майков делал карандашные пометки, оговоренные нами.

2) *Собрание К. Р.* Образовалось в 1902 году, когда вдова Л. Н. Майкова А. А. Майкова подарила тогдашнему президенту Академии Наук вел. кн. К. К. Романову (ум. 1915 г.) несколько листов из собрания автографов Пушкина, принадлежавшего ее мужу. После смерти К. Р. собрание его было кратко описано⁵ и временно хранилось в Рукописном Отделении Библиотеки Академии Наук. В 1923 году оно поступило в Пушкинский Дом (см. „Отчет Академии Наук за 1923 год“, стр. 111).

¹ См. статью М. А. Цявловского „Судьба рукописного наследия Пушкина“ („Вестник Академии Наук СССР“. 1937, № 2—3, стр. 109—127).

² Б. Л. Модзалевский. „Пушкин“, Л., 1929, стр. 284—285.

³ Соч. Пушкина, изд. Акад. Наук, т. II, СПб., 1905, стр. X.

⁴ „Пушкин и его современники“, в. IV, СПб., 1906, стр. 1—2. Описание В. И. Срезневского было затем вторично опубликовано в „Известиях Академии Наук“, V серия, под заглавием: „Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное Отделение Библиотеки имп. Академии Наук в 1904 году“ (отд. отт., СПб., 1907, стр. 278—303).

⁵ „Известия Академии Наук“, VI серия, 1917 г., № 11, стр. 765.

3) *Собрание И. А. Шляпкина*. Образовалось в конце 1899 года. Об этом свидетельствует следующий неопубликованный документ, хранящийся в Пушкинском Доме под шифром 26176:

„Я, нижеподписавшийся, передаю в полную безусловную собственность и в полное безусловное владение коллежскому советнику Илье Александровичу Шляпкину различные бумаги и письма поэта А. С. Пушкина, доставшиеся мне по наследству от отца моего Ивана Васильевича Анненкова, за триста рублей серебром, которые я от него, Шляпкина, получил сполна. С. Петербург 4 декабря 1899 года. Состоящий по армейской пехоте полковник Федор Иванович Анненков“.

Таким образом автографы собрания И. А. Шляпкина восходят к тому же источнику, что и автографы собрания Л. Н. Майкова, т. е. к Н. Н. Пушкиной. И. А. Шляпкин, опубликовавший свое собрание в своей книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“ (СПб., 1903), в предисловии к ней между прочим упоминает о происхождении своего собрания (на стр. V—VII). Подобно Майкову Шляпкин на автографах Пушкина из своего собрания делал различные пометы (обычно лиловыми чернилами). Эти пометы оговорены нами при описании каждой рукописи, восходящей к этому собранию. Следует отметить, что еще до поступления в 1918 г., после смерти Шляпкина, его собрания в Пушкинский Дом была утрачена Шляпкиным опубликованная им очень неточно в его книге (на стр. 28—30) рукопись стихотворения „Ты просвещением свой разум осветил...“, имевшая на себе красную жандармскую помету: 26. Описание этой рукописи естественно не могло войти в описание автографов Пушкина, хранящихся в Пушкинском Доме.

4) *Собрание А. Ф. Онегина*. Образовалось в 1883 г., когда сын В. А. Жуковского П. В. Жуковский, связанный с Онегиным дружбою еще с гимназической скамьи, подарил ему принадлежавшие ранее В. А. Жуковскому (ум. в 1852 г.) рукописи поэта. История Онегинского собрания изложена в предисловии к книге „Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина“, П., 1922, стр. IX—XVI, где на стр. XVI—XXV дано краткое описание этих автографов и указаны подробно все бывшие до опубликования в этой книге ранние публикации текстов Пушкина из этого собрания. Как выше указано, собрание это приобретено было Академиею Наук у Онегина еще в 1909 году, но оставалось в пожизненном хранении у него в Париже до его смерти в 1925 году и затем до оформления передачи и перевозки всего собрания в СССР весной 1928 г. В 1909 г. Б. Л. Мод.

залевский впервые напечатал описание автографов, принадлежавших Онегину.¹

А. Ф. Онегин так же, как и многие другие владельцы автографов поэта, делал на них свои пометы. Они очень заметны, так как сделаны красными чернилами; на каждой рукописи Онегин представлял ссылку на номер описания Б. Л. Модзалевского (например, „М. № 30“) и ставил свою подпись: „Pouchkiniana А. Ф. Онегина“. Эти пометы оговорены в нашем описании в соответствующих местах.

История автографов Пушкина, не входящих в состав вышеперечисленных 4 крупных собраний, восстановлена или на основании ряда упоминаний об этом в печати (в таком случае всюду указывается печатный источник) или же на основании архивных данных. С этой целью было специально просмотрено нами делопроизводства Комиссии по изданию сочинений Пушкина, образованной в 1899 году, и Комиссии по постройке памятника Пушкина в Петербурге, основанной в том же году, а также делопроизводства Пушкинского Лицейского Музея, Пушкинского Дома и Рукописного Отделения Библиотеки Академии Наук СССР. Среди документов делопроизводств этих учреждений оказалось множество сведений о происхождении той или иной рукописи. Этим путем была достигнута значительная полнота сведений, раскрывшая множество владельцев автографов и переход последних из рук одних собирателей в другие.

Сведения об использовании рукописей в печати приведены лишь в отношении первых по времени публикаций. При этом нужно иметь в виду, что указания на публикации сделаны не в отношении текста произведения, а в отношении данного автографа. Множество автографов было напечатано гораздо позднее публикаций содержащихся в них произведений; последние иногда печатались еще самим Пушкиным, но по другому источнику, ничего общего с каждым данным автографом не имеющему. В очень редких случаях публикация автографа совпадает с публикацией самого поэта. Из таких рукописей до нас дошли, например, рукописи под №№ 85, 229, 294 и др. Вторичные публикации указаны в тех случаях, когда первая является или очень неточной или неполной. Сведения эти проверены по первоисточникам, но, конечно, не было никакой возможности обследовать их систематически. Важно было дать указания на главнейшее использование той или иной рукописи в печати, а приведение полной

¹ „Пушкин и его современники“, в. XII, стр. 7—27. Третий раз это описание было опубликовано во втором издании книги „Неизданный Пушкин“, М.—П. 1923, стр. XV—XXI.

библиографии не может быть обязательным при составлении научного описания автографов. То же можно сказать и о приводимых в описании указаниях на факсимильное воспроизведение того или иного автографа. Учет всех таких публикаций и воспроизведений составляет принадлежность не научного описания, а специальной научной библиографии. Этим объясняется и то, например, обстоятельство, что при описании некоторых автографов указание на их публикацию вовсе отсутствует, в то время как текст данного произведения уже давно известен в печати. К таким рукописям относятся некоторые рукописи из собрания Л. Н. Майкова. Вследствие того, что заключающиеся в них тексты произведений Пушкина были ранее опубликованы по другим источникам, ни П. В. Анненков, ни Л. Н. Майков не печатали этих рукописей. Они остались в некоторых случаях неопубликованными и до сих пор, так как изучением текстов этих произведений никто еще из исследователей не занимался.

Ссылки на опубликованные ранее описания автографов приведены в нашем описании с достаточной полнотой. Пропуски возможны были лишь в отношении тех автографов, о которых сохранились сведения в различных статьях и работах, не ставивших перед собою специальных задач описания рукописей, а преследовавших другие цели. Следует иметь в виду, что элементы описания той или иной рукописи иногда входят в состав статьи или работы, посвященной публикации автографа; в таком случае специального отдельного указания на описание автографа на ряду с указанием на его публикацию не делалось из экономии места. Иногда приводилась двойная формула: напечатано и описано там-то. По тем же соображениям ссылки на источники публикаций или факсимильного воспроизведения и описания рукописей приводятся в сокращенном виде, для чего в конце предисловия дана условная таблица сокращений.

Работа по описанию автографов была начата и принципы ее обсуждены и утверждены на заседаниях Пушкинской Комиссии Академии Наук СССР еще в 1933 г., но, в виду сложности и кропотливости, осуществление этой работы затянулось на несколько лет. Уже после того как описание было закончено и всем рукописям была дана соответствующая нумерация от 1 до 808 (до этого все они были систематизированы в XV групп), в Пушкинский Дом в 1935 и в 1936 гг. поступило еще 16 автографов, преимущественно из собрания скончавшегося в 1931 г. П. Е. Щеголева (№№ 809—823). Это новое поступление потребовало введения дополнительного XVI раз-

дела (дополнения), причем в него вошло описание автографов не в систематическом порядке, а в порядке их поступления.

При пользовании описанием необходимо иметь в виду, что номера описания совпадают с номерами хранения автографов. После дополнительных поступлений уже не было возможности перенести вновь поступившие автографы в соответствующие их содержанию группы без ломки всей нумерации. Для автографов №№ 809—812 удалось лишь сделать ссылки в необходимых листах. Для автографов же №№ 813—823 не пришлось даже сделать и этих ссылок, так как набор описания был уже сверстан.

В приложениях дано описание 7 автографов Пушкина, хранящихся в Архиве Академии Наук СССР и 15 рукописей из личного архива Пушкина, пронумерованных вместе с его автографами жандармской нумерацией и хранящихся в Институте Литературы (Пушкинском Доме).

Не введены в описание пометы Пушкина на книгах его личной библиотеки, особо зарегистрированные в свое время Б. А. Модзалевским.¹

В предварительной работе над описанием автографов, кроме составителей, принимали участие Н. К. Козмин, разрабатывавший также материалы по установлению первых публикаций автографов, и Д. П. Якубович. Окончательная обработка материала, проверка его вновь по автографам, описание бумаги и окончательная выработка единых методов описания для всего издания принадлежит составителям. Указатели к изданию составлены Л. А. Домгером.

¹ „Библиотека А. С. Пушкина“, СПб., 1910.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия Наук СССР.
- БАН — Библиотека Академии Наук СССР.
- ВПД 1914 — Временник Пушкинского Дома на 1914 год.
- Иzv. АН. — Известия Академии Наук, VI серия.
- Кат. ЛФ. — Каталог выставки, устроенной Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, СПб., 1880.
- Кат. ОРС — Каталог Пушкинской выставки, устроенной обществом любителей российской словесности в залах Исторического Музея в Москве, М., 1899.
- Каталог Пушкинской выставки, СПб., 1899 — Пушкинская юбилейная выставка в императорской Академии Наук в С.-Петербурге. Каталог, СПб., 1899.
- Отчет АН — Отчет о деятельности Академии Наук по I и III Отделениям и Отчет о деятельности Академии Наук СССР.
- Отчет ОРЯС — Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности.
- ПД — Пушкинский Дом Академии Наук СССР, впоследствии Институт Литературы Академии Наук.
- ПС — Пушкин и его современники. Повременное издание Комиссии для издания сочинений Пушкина ОРЯС АН.
- Рукописи Пушкина, изд. ОК — Рукописи Пушкина. I. Издание князя Олега Константиновича, СПб., 1911.
- Соч. Пушкина — Собрания сочинений Пушкина, вышедшие под редакцией разных редакторов, начиная с посмертного издания 1838—1841 гг. до последних советских изданий.
- СПД — Сборник Пушкинского Дома на 1923 год, П., 1922.